

Василий Иванович Немирович-Данченко

Милость!

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #2)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Милость!**

Утром по всему простору Самурских отмелей началась уборка трупов и раненых.

Только с рассветом дежурные части, оставшиеся на стенах, могли определить весь урон, который потерпел вчера неприятель. Кнаус с немецкою обстоятельностью распределил убитых по их значению у горцев, и оказалось, что больше всего пало при штурме крепости мюридов. Вода выступила из рвов, окружавших укрепление, и под нею видны были такие же безмолвные свидетели вчерашнего ужаса... Дальше, по отмелям, уже не такими массами лежали тела людей и лошадей. Больше всего их было там, куда был направлен меткий огонь картечных орудий... Когда туман стал рассеиваться и подыматься, — из-под него как из-под однообразного полога выступили сотни других тел, разбросанные до тех пор, пока хватал глаз. Там уже работали лезгины, — собирая своих. В кустах тоже замечалось медленное шуршание и движение ветвей — очевидно, и там переживали мучительную агонию раненые... Угрюмо прислушиваются к раненым солдаты. Ожесточение боя улеглось, — осталось сожаление к та-

ким же как и они людям... — «Хорошие войны», — замечает один. — «Добрые воины, страху не знают. Коли бы не бунтовали, — первые были бы!..» И в этих словах — невольно, назло говорившему, слышится сострадание... Когда над причудливыми вершинами Дагестана поднялось солнце, и утренняя мгла, свившись лёгкими облачками, стала медленно подниматься от скалы к скале, всё выше и выше, — зрелище, представшее героическим защитникам маленькой крепостцы, было поистине ужасно...

— Неужели всё это мы? — спросил замирающим голосом молодой солдат.

— Чего? — отозвался ему неохотно, не глядя на него, усач, помнивший ещё Ермолова.

— Дяденька, ужели же это всё вчера?.. Мы, то ись?..

— А то кто же?..

— Господи, — сколько! Беды-то, беды...

— По присяге... В бою врага щадить нельзя. Попал он в плен, другое дело, — друг он тебе и брат. Особливо, если раненый... Ну, а в сражении жалеть не приходится...

— Это-то я знаю... А только сколько их... И

всё-таки жалко. Живые ведь.

— Картечью било. Известно!..

Когда второй наказ будуны уже прокричали с минаретов подоблачных аулов, — к крепости стала приближаться группа всадников — глашатаи... Молодой солдат было приложился сдуру, забыл недавнее сожаление к участи раненых, как сосед ткнул его легонько в шею.

— Ты чего, дурак?..

— Стрелять... Попужать... — растерялся тот.

— Я тебя попужаю. Навек закаешься... Разве не видишь, — они без оружия...

Действительно, ни на ком не было ни ружей, ни пистолетов, ни шашек. Даже кинжалы, с которыми никогда не расстаются горцы, не болтались на их поясах. Лошади их храпели и пугливо сторонились от массы тел, мимо которых и через которые пришлось им проезжать. Одна даже закусил удила и, круто вывернувшись из толпы, понесла назад, но нагайка всадника тотчас же отрезвила её, и, дёргая головой и кусая удила, конь живо нагнал своих. Кнауc послал дать знать Брызга-

лову, и он вышел с переводчиком на стену...

— Отчего они белого флага не показывают? — спросил кто-то из офицеров.

— Это не переговоры... Они приехали просить милости. Вы видите, — безоружные.

Брызгалов приказал отворить ворота, опустить мост, и один, в сопровождении переводчика, вышел через мост — по ту сторону рва.

— Что вам надо? — грозно спросил он, хмуря свои седые брови на наибов.

Те заговорили по-своему.

Татарский переводчик в почтительных выражениях передавал их.

— Аллах вчера наказал народ за грехи... В руках Его — победа или поражение... Победу Он дал вам, на позор осудил нас!.. — медленно и важно, не слезая с коня, говорил старший из наибов... — Судьбы Его неисповедимы, и не нам судить дела Его. Если так случилось, значит, мы виноваты пред лицом Аллаха, и Магомет, даже своим представительством, не мог защищать нас. Ты сам видел, что мы шли на твои стены, не боясь смерти. Долго ещё будут в горах рассказывать о вчерашней битве... Долго! Много матерей будут

плакать в осиротевших саклях... Но Бог, даровавший вчера победу вам, завтра, быть может, дарует её нам... Сегодня наверху вы, — завтра будем мы! Мера гнева Его исполнится, и перед Его лицом мы найдём благоволение... Мы, поэтому, просим у вас милости такой же, какую, если будет угодно Великому и Всемогущему, и вам окажем потом, — он гордо поднялся на стременах и уже громко и с достоинством заговорил. — Не униженными просителями явились мы здесь, а равными к равным, воинами к воинам... Судьбы битв переменчивы, побеждали вы, побеждали и мы... Нам нечего считаться! Я не раз встречал старого полковника, — кивнул он на Степана Фёдоровича, — в бою грудь с грудью. У меня на плечах есть шрам от его шашки, и мой кинжал, должно быть, оставил след на его груди.

— Я узнаю тебя, наиб Юсуф...

Брызгалов, улыбаясь, подал ему руку. Тот её пожал... Странно было видеть эту суровую улыбку на лице того и другого.

— Мы с тобою поквитались. У меня нет зла ни против тебя, ни против твоих. Ты, верно, пришёл просить разрешения убирать трупы?

— Да, по шариату, — они не могут оставаться гнить на полях как падаль.

— Так вот вам моё разрешение. До вечера сегодня, пока солнце не зайдёт за Шагдаг, вы можете приходить под самую крепость и убирать трупы, но с двумя условиями: те, которых пришлешь ты, должны быть безоружными.

— Слушаю, саиб.

— Потом: с трупов должно быть снято оружие и брошено на земле.

— И кинжалы? Ты знаешь, саиб, нельзя мусульманина, павшего на земле, хоронить без кинжала.

— Кинжалы можете оставлять на трупах и на раненых, а остальное — долой. Мои солдаты сверху будут следить за исполнением этого, и при малейшем нарушении условий начнут стрелять по ослушникам. Прощай, наиб Юсуф! Мне бы приятнее было драться не против тебя, а рядом с тобою.

— И мне тоже, саиб!.. О твоей храбрости говорят у нас даже и в Кабарде. Таких узденей мало и у натухайцев!.. Прощай, саиб!.. Благодарю тебя от лица этих, — указал он величе-

ственным жестом на безмолвных свидетелей, лежавших кругом.

Брызгалов ещё раз пожал ему руку и пошёл назад.

Наиб Юсуф приказал глашатаям вернуться, и через четверть часа их резкие гортанные крики раздались уже далеко. Точно ожидавшая их серая масса пеших лезгин без оружия наполнила всю долину. Дравшиеся под стенами этой крепости нахлынули обратно, но уже мрачными и молчаливыми, с голыми руками. Солнце не играло на дулах ружей и на оправах шашек и кинжалов. Между ними много было наибов, — они следили за тем, чтобы нигде не нарушалось условие и не было беспорядка... Безмолвно совершалась работа, и в зловещей тишине пришедшие подымали павших и уносили их на себе... На их месте оставались кучи ружей, шашек и пистолетов!.. На крепостных стенах вся эта суэта внизу производила неизгладимое впечатление... Братья отыскивали братьев, отцы — сыновей, сыновья — отцов. Многие поворачивали убитых лицом к солнцу и с трепетным выражением жалости взглядывал в их лица. Вон

один важный наиб нашёл, наконец, своего... Красавец горец, ещё безусый, лежал, раскинув руки, у самого Самура... Старик наклонился над ним и, чтобы никто не видел его горя, свою и его голову накрыл башлыком и оставался так несколько минут... Потом вдруг встал. Лицо его было сумрачно и грозно... Он поднял дорогую ношу, перекинул её через седло и повёл коня в поводу... Вон другая группа... Трое молодых бойцов в богатых и щёгольских черкесках — елисуйцы, должно быть, — отыскиали старика, папаха которого была обвита зелёною чалмою. Они сняли с него шашку и пистолеты, благоговейно поцеловали их, потом припали устами к полам убитого и с лицами, по которым текли слёзы, подняв, понесли его на себе... Много таких встреч происходило на глазах у русских... Вот, наконец, вдали красным пятном выделилась кучка всадников — она быстро приближалась к полю вчерашней битвы...

— Шамиль, Шамиль!.. — пронеслось по стенам, и с жадным любопытством выбежали и воззрились на него солдаты.

Худое лицо с яркими, — горящими внут-

ренним огнём глазами. Худое лицо — нервное, с орлиным носом, тонкими и бескровными губами... Широкие плечи, могучая фигура... Кажется, что глаза эти не мигают вовсе, что ресницы их ко лбу приросли... Соколиным взглядом он окидывает поля и хмурится, почти сдвигая уже седеющие брови... Он — точно одно тело с лошадьёю. Лёгкий кабардинский конь — золотом горит под ним. Тонкие ноги его, шутя, одолевают расстояние... Шамиль что-то обдумывает. Он внимательно смотрит на стены крепости и на русских... Ни вражды, ни злобы в его глазах... Он исполнитель велений Аллаха. Разве ангел Азраил ненавидит поражаемых им?.. Он удержал коня и медленно проезжает вдоль убитых и раненых... Оглядывается... Какой-то старик-наиб подсакивает к нему. Он говорит что-то так же бесстрастно... Наиб во весь опор летит к стенам и, доскакав до рва, прикладывает руки ко рту и кричит по-русски:

— Великий имам Чечни и Дагестана — повелитель всех горных народов от южных гор до Терека и от моря до моря, раб Аллаха и верный слуга Магомета, пророка его — шлёт при-

вет всем и благодарит за милость.

Брызгалов отдал честь.

Внимательно-острый и огненный взор Шамиля остановился на нём. Точно он оценил противника, с которым имел дело... Что-то шевельнулось в углах его рта, и, слегка дотронувшись рукой до сердца, — он медленно повернул коня и поехал назад...

— Орёл! — говорили солдаты.

— Орёл-то орёл — только мы ему вчера как каза?чка задорному петуху немало перьев из хвоста выхватили...

— Погоди, орла-то в курятник запрём, каково ему сладко будет...

— Ты ещё курятник заведи такой сначала...

— А бравый... Что говорить, бравый...

Красное пятно всё уменьшалось и уменьшалось. Скоро оно казалось искоркой в облачке пыли... И искорка эта погасла, и пыли уже нет... Внизу — та же уборка... Брызгалов выслал казаков, тоже без оружия, собирать шашки, пистолеты и ружья. Их грудками вносили в крепость и складывали у стен... Солнце далеко ещё не зашло за Шагдаг, как вокруг

Самурского укрепления не было уже убитых и раненых. Тишина охватила долину... Прислонившись к горам, кланы тоже безмолвствовали... Вершины горного Дагестана царственно плавали в лазурной бездне неба, подымая на своём темени грозные аулы под знойные лучи солнца... Безмолвие царило кругом такое, что даже странным казалось, — что ещё вчера всё это пространство было полно неистового рёва битвы... Самур тихо катил серебряные воды, и, слегка вздрагивая, перешёптывались о чём-то листья чинар...

1902